

Анклавизация как стратегия межэтнических взаимодействий в крупном городе (на примере Новосибирска)*

С.А. МАДЮКОВА, кандидат философских наук, Институт философии и права СО РАН, Новосибирск. E-mail: sveiv@mail.ru

О.А. ПЕРСИДСКАЯ, Институт философии и права СО РАН, Новосибирск. E-mail: olga_alekseevna@mail.ru

На примере Новосибирска исследуются взаимоотношения мигрантов и принимающего сообщества крупного города на основе материалов экспертного опроса, проведенного при участии авторов. Анклавизация рассматривается как особая стратегия адаптации мигрантов, заключающаяся в их частичном социально-территориальном исключении из городской среды и самоорганизации в анклавах. Анализируется двойственная природа генезиса этнического анклава – формируемого принудительно вследствие исключения доминирующей общностью и добровольно – как стратегия адаптации самих мигрантов. Сделан вывод о том, что анклав может рассматриваться как переходный этап адаптации и интеграции, поскольку позволяет иноэтничным мигрантам локально воспроизводить этнокультурную систему и социальную структуру страны исхода на новой территории. Показана ограниченность включенности анклавоподобных поселений в сеть социальных контактов города.

Ключевые слова: принимающее сообщество, иноэтнические мигранты, этнический анклав, город, адаптация, межэтнические взаимодействия

Современные крупные российские города являются точкой аккумуляции миграционных потоков, поэтому актуален анализ сложного многомерного процесса взаимодействий мигрантов и принимающего сообщества, необходимый для принятия управленческих решений в сфере регулирования «мигрантского вопроса» и прогноза последствий этих взаимодействий для локальных городских сообществ и для общероссийской экономики, культуры, социальной сферы. При выработке миграционной политики органы власти должны учитывать не только

соображения экономической и демографической целесообразности, но и антимигрантские настроения в массовом сознании принимающего сообщества.

Целью статьи является анализ феномена анклавизации и специфики его проявления в г. Новосибирске. Она основана на анализе данных массового и экспертного опросов новосибирцев. В массовом опросе, проведенном сотрудниками Института философии и права СО РАН (ИФПР СО РАН) в 2014 г. (целевая выборка), участвовало 573 чел. Серия экспертных интервью была осуществлена социологами из НГТУ и ИФПР СО РАН в 2016 г. В качестве экспертов были выбраны представители научного сообщества, имеющие опыт исследований межэтнических отношений и миграционных процессов, и специалисты, работающие в администрациях, социальных и культурных учреждениях города и районов с этнокультурными сообществами и этническими мигрантами. В статье использованы 15 интервью с экспертами, которые позволили описать специфику феномена анклавизации в Новосибирске и выделить характерные черты восприятия анклавов принимающим сообществом города.

Как правило, говоря об этнической принадлежности представителей наиболее крупных диаспоральных групп нашей страны, выделяют украинцев, армян, казахов, азербайджанцев, белорусов [1. С. 36]. В Новосибирске, помимо отмеченных, также достаточно весомы доли проживающих в городе узбеков (0,75% от числа лиц, указавших национальную принадлежность в ходе Всероссийской переписи населения 2010 г.), татар (0,73%), немцев (0,63%), таджиков (0,61%), киргизов (0,44%) [2]. В последние годы в городе особенно возросла численность представителей народов Средней Азии.

Интенсификация миграционных процессов существенно изменяет численное соотношение, статус и взаимное влияние этнических групп во многих городах России. В городские сообщества встраиваются новые этнические группы, процесс сопровождается не только механическим приростом «видимых» мигрантов, то есть тех представителей других этносов, которые внешне отличаются от постоянного населения, но также институализацией их сообществ, пробуждением и осязаемым всплеском этнического и национального самосознания со стороны как мигрантов, так и принимающего сообщества, ростом инициативности этнически

* Работа выполнена в рамках проекта РФФИ-ОГОН № 16–03–00144 «Социокультурный мониторинг межэтнического сообщества: построение системы показателей и апробация в деятельности органов муниципального управления города Новосибирска» (руководитель Ю. В. Попков).

ориентированного актива; часто эти процессы находят выражение в росте межэтнического напряжения.

«Общим местом» в массовом сознании современного горожанина является понимание под мигрантами в первую очередь именно трудовых мигрантов из Средней Азии: именно их чаще всего имели в виду эксперты в своих интервью.

Понимая город как среду обитания людей, представляющую собой динамическую открытую систему территориально-пространственных и социокультурных взаимодействий, нужно акцентировать внимание на том, что город вместе с тем является элементом систем более высокого уровня: региональной, государственной, мировой. Город и сам по себе, вне исследования миграционной проблематики, представляет собой неоднородное, сложное и многомерное образование, в котором происходят процессы социально-пространственной сегментации и дифференциации населения по экономическому, культурному, социальному, этническому и другим признакам. И именно в это внутренне неоднородное пространство города каким-то образом пытаются интегрироваться мигранты.

Вместе с количественным приростом иноэтничного населения в городах идет процесс качественного изменения их социально-культурных характеристик [3]. Необходимость заполнить рабочие вакансии в определенных отраслях экономики «предстает как проблема механического прироста не просто неких статистических рабочих рук, а *населения*, поддерживающего и воспроизводящего социально-культурную среду как исторически сложившуюся целостность с имманентным ей уровнем экономического потенциала» [4. С. 274].

Согласимся с Ю. В. Попковым и Е. А. Тюгашевым в том, что взаимодействие принимающего сообщества и мигрантов имеет структурные последствия как для первых, так и для вторых. Так, с одной стороны, под воздействием миграционных потоков хотя и сохраняется индивидуальный облик города, существенно меняются состав населения, его структурно-функциональная организация, в целом – социально-антропологический и этнокультурный характер. С другой стороны, город оказывает влияние на отбор мигрантов, адаптированных к его условиям и вписывающихся в городское сообщество [5].

Под этническим анклавом мы будем понимать локализацию людей по этническому признаку в местах проживания, в разделении труда и пр. И. С. Андронов говорит об анклавах как о «государстве в государстве», поясняя, что в городской черте этнический анклав живет по своим правилам, нормам и ценностям, создает свой внутренний рынок, этническое предпринимательство, что порождает конфликтотенную среду, повышенный уровень социальной напряженности [6].

Анклав может формироваться принудительно вследствие исключения доминирующей общностью и добровольно – как механизм самоизоляции и консервации определенной иноэтничной общности. Анклавизация как результат политики принимающего сообщества проявляется не только в плоскости бытовой ежедневной коммуникации между местным населением и мигрантами, которая чаще всего носит ограниченный характер, но и опосредована социальными, экономическими, культурными институтами, которые слабо ориентированы на социализацию мигрантов, прибывающих из других социумов [7. С. 34]. В данном контексте одной из ключевых причин возникновения этнических анклавов, на наш взгляд, является рост антимигрантских настроений у принимающего сообщества.

В серии статей о мигрантах и принимающем сообществе г. Новосибирска (подробнее о формировании стереотипов восприятия мигрантов см. [8, 9, 10]), основанных на статистическом анализе данных массовых социологических опросов, сделан вывод о том, что в отношении местного населения к мигрантам негативные оценки преобладают над позитивными. При этом в массовом сознании принимающего сообщества выделяются две группы факторов, влияющих на это отношение: первая характеризует объективные обстоятельства, порождающие проблемные ситуации во взаимоотношении местного населения и мигрантов (конкуренция за дефицитные бюджетные ресурсы, анклавизация мигрантов, усиление конкуренции за рынки труда, различающиеся модели поведения и др.), вторая касается распространяющихся в пространстве города стереотипов, слухов и домыслов в отношении мигрантов, определяющих фон межэтнического напряжения и негативного отношения к мигрантам.

Эксперты в интервью, проведенных при участии авторов в 2016 г., говоря о взаимодействиях мигрантов с принимающим

сообществом, отмечают эпизодичность таких взаимодействий, их закрытый, недружелюбный характер. «Нет желания идти на контакт. Это закрытые группы, живущие анклавом... Большое количество таких замкнутых групп, не желающих идти на контакт с принимающим сообществом... Они живут закрыто, замкнуто и демонстрируют не всегда самое доброжелательное поведение» (*Интервью с научным работником, № 9*), «Они (мигранты – авт.) говорят, мы выходим и с местным населением иногда контактируем. Ну как... Вот в магазин один пошел, кто более или менее разговаривает по-русски, купил продукты на всех, остальные молчали, ему помогали» (*Интервью с научным работником, № 11*). Представляется, что в значительной степени негативным характером взаимоотношения с мигрантами наделяет само принимающее сообщество, руководствующееся стереотипами: «Местное население... иногда жаждет подтверждения своим худшим опасениям о мигрантах» (*Интервью с научным работником, № 13*).

На основе анализа данных интервью можно заключить, что экспертное сообщество Новосибирска скорее склоняется к тому, что в городе проблема этнических анклавов стоит не очень остро, нередко звучали мнения о том, что в Москве и Санкт-Петербурге она более значима. Зачастую эксперты называли этническими анклавами территории, где концентрированно проживает значительное число трудовых мигрантов, которые воспринимаются принимающим сообществом как выбивающиеся из общей этнической картины города. В числе таких территорий эксперты упомянули рынки и некоторые окраины города, что, на наш взгляд, объяснимо двумя факторами – разделением труда по этническому принципу (трудовые мигранты из регионов Кавказа и Средней Азии заняты, в первую очередь, в строительстве, обслуживании и торговле, причем именно рыночной) и дешевизной окраинного жилья даже в ущерб транспортной доступности.

Как потенциально конфликтогенные области в массовом опросе были также названы рынки, в частности, Хилокский в Кировском районе и на Гусинобродском шоссе в Октябрьском районе, а также прилегающий к нему жилой массив на ул. Высоцкого, жилые массивы на Родниках и Снегирях, окраины города. Отвечая на вопрос, какие места в Новосибирске могут стать или уже стали очагами межнациональной напряженности, респонденты особенно выделили Хилокский (49% опрошенных в массовом

опросе 2014 г.), Гусинобродский (48%), Левобережный (14%) рынки и прилегающие к ним территории. Также в число проблемных зон попали школы с многонациональным составом учащихся [11. С. 160]. В этих локусах городского пространства в глазах местного населения особенно остро стоят проблемы, связанные с вынужденной конкуренцией с мигрантами за места в детских садах и школах, возможность посетить поликлинику. В условиях ухудшения экономического положения населения данная конкуренция становится сильнее (см. [12]).

Однако сам процесс анклализации связан со стратегией адаптации «по легкому пути» самих мигрантов к принимающему обществу, что обусловлено низким уровнем готовности сообщества мигрантов к интеграции. Причины могут лежать в плоскости как конкретных трудностей, связанных с плохим знанием русского языка и российского законодательства, со сложной бюрократизированной процедурой оформления регистрации и разрешения на работу, так и умонастроений, представлений (небезосновательных) о принимающей среде как недружелюбно настроенной. Преимущества такой адаптивной стратегии имеют вполне понятный социально-психологический характер: с одной стороны, содействие соотечественников, существование в границах микросоциума, отвечающего привычным правилам поведения, жизни, с другой – возможность сделать свое материальное экономическое положение более стабильным, чем на родине [6. С. 58].

Эксперты в нашем исследовании также нередко демонстрировали убежденность в том, что анклавы служат временной и наиболее простой формой адаптации для только что приехавших людей: «Я негативно к этому (к анклализации – авт.) отношусь. Как некий переходный этап – может быть, да, когда на какой-то конкретной территории, в конкретном сообществе людям легче адаптироваться. Но проживание в таких закрытых сообществах, локальных местах должно носить временный характер» (*Интервью с научным работником, № 2*). «Насчёт анклализации – в какой-то степени это позитивно для самих трудовых мигрантов... у них складывается такой дружный междусобойчик, коллектив, даже если в нем представители разных национальностей... Мы спрашивали у них, не возникает ли между ними конфликтов. Они говорили, вы знаете, у нас, в принципе, определенная задача:

поработать; мы живем в определенном замкнутом пространстве (это корпоративные общежития заводов, строек – *пояснение эксперта*), и нам самим, по большому счету, конфликты не нужны, потому что от этих конфликтов страдает все это маленькое сообщество» (*Интервью с научным работником, № 11*).

В современных российских городах мигрантами нередко локально воспроизводится этнокультурная система и социальная структура «страны исхода» на новой территории. Значимой здесь представляется также зависимость идентификационных стратегий самих мигрантов от влияния на них принимающего сообщества.

Механизм воспроизведения этнокультурной идентичности мигрантами находится в обратной зависимости от степени включенности в принимающее сообщество: этнокультурная идентичность трудовых мигрантов, приезжающих в Россию на короткий срок с целью заработка, минимально подвергается трансформации. С позиций социокультурной интеграции в принимающее общество сезонный вид миграции оказывается наименее благоприятным. Взаимодействие происходит преимущественно внутри своей этнической группы – таких же трудовых мигрантов; как следствие, снижена установка на изучение русского языка, аккультурация весьма ограничена [13. С. 85]. В то же время этнокультурная идентичность мигрантов, имеющих целью долговременное или даже постоянное проживание на территории России, трансформируется в соответствии со стереотипными образами, существующими в массовом сознании принимающего сообщества.

Анклализация имеет положительные стороны для мигранта, упрощая и минимизируя его взаимодействия с принимающим обществом. Однако опора на традиционные структуры и практики «исключённого» проживания препятствует социализации и адаптации к городской среде, преодолению языкового барьера, мигранты лишены доступа к образованию, повышению профессиональной квалификации. Кроме того, высока вероятность превращения анклавоподобных поселений в устойчивую, преемственную и саморазвивающуюся тень, достаточно сильно коррумпированную субкультуру с соответствующей обслуживающей инфраструктурой, включающей официальных лиц разного уровня [7. С. 33].

При этом само принимающее сообщество неоднородно, в том числе в своем отношении к иноэтничным мигрантам. В.И. Дятлов говорит о том, что нет единого принимающего общества как такового, а есть сложный и противоречивый конгломерат акторов и их интересов. В то же время фиксируемая, а подчас и форсируемая мигрантофобия может стать (или уже становится) одним из значимых механизмов консолидации российского общества и даже основой современного этапа строительства нации [12. С. 199]. И если упрощенно воспринимать принимающее общество как некий единый организм, становится очевидным, что отсутствие интеграции и инкорпорации мигрантов обуславливает изменения социокультурного портрета этого общества, приводя к «культурному сопротивлению» принимающего общества, нацеленного на сохранение сложившейся социокультурной идентичности [14. С. 79].

Показательным примером неоднородности принимающего сообщества является уже тот факт, что мнения экспертов даже о том, существуют ли вообще анклавы в Новосибирске, разделились. Некоторые из них считают, что, в строгом понимании, поселений этнических мигрантов в виде анклавов в настоящее время в городе нет: «Может быть, конечно, что я ошибаюсь и кто-то меня переубедит, но анклавов я не чувствую» (*Интервью с сотрудником администрации, № 5*). «Слава Богу, что в городском пространстве анклавов, как таковых, у нас нет. Нет у нас однородных кварталов или жилмассивов, где жили бы только мигранты и не жило бы местное население» (*Интервью с научным работником, № 1*), «В Академгородке я этого не ощущаю» (*Интервью со специалистом культурного учреждения, № 8*).

Однако другая часть экспертов признает, что тенденция к анклализации все же присутствует: «В местах проживания – наверное, соглашусь» (*Интервью с научным работником, № 9*). «Есть районы, где диспропорция местного населения и людей, отличающихся своими традициями, внешним обликом, велика. Хотя и там нет безусловного доминирования, все равно в определенных пропорциях присутствуют разные группы» (*Интервью с научным работником, № 1*).

Значимой в контексте данного исследования является и риторика «мигрантского вопроса». Эксперты признают, что сообщество мигрантов тоже неоднородно, и, пожалуй, неправомерно

говорить о мигрантах как о цельной группе с едиными целями, нормами и поведенческими практиками. Исследователями проблем миграции принято выделять вынужденных и добровольных мигрантов, дифференцировать их по стране исхода, городскому/сельскому происхождению, принадлежности к этнической и/или конфессиональной группе, социальной страте и т.д. Необходимо акцентировать внимание на тот факт, что, поскольку многие иноэтнические мигранты приезжают в российские города из сельской местности, происходит смена не только ареала обитания и этнического окружения, но и самого образа жизни, продиктованного спецификой городской среды. Незнание норм и правил поведения в социальном пространстве города может приводить к различным социальным конфликтам между принимающим сообществом и мигрантами.

Особую остроту в данном контексте приобретает проблема столкновения городской и сельской ментальности: «Выходцы (неважно какой этнической принадлежности) из традиционной среды, привыкшие ориентироваться в своих суждениях и поступках на жесткую социальную структурированность, ценностно-нормативную целостность и определенность этой среды, могут (при желании) интегрироваться в такую же структурированность и целостность (пусть даже отличающуюся по содержанию от привычной для них). Однако если они сталкиваются с социальной и культурной размытостью вместо целостности, то в поисках привычной жесткой опоры стремятся воспроизвести в новой, неопределенной (с их точки зрения) среде привычные социально-культурные стандарты, т.е. оформиться в анклав» [4. С. 279–280].

Такая стратегия актуальна для старшего поколения иноэтнических мигрантов: сложно быть восприимчивым и обучаемым в зрелом возрасте. Освоение и использование новых норм часто сопряжены с одновременным переобучением, переориентированием и замещением (место-то уже занято) ценностей и взглядов, усвоенных и одобряемых на предыдущем жизненном этапе. С этой точки зрения длительное сохранение мигрантами после переезда привычного уклада вполне объяснимо и часто не подразумевает негативного отношения к принимающей культуре [15. С. 45]. В нашем исследовании эксперты также подчеркивали, что анклавизационная стратегия адаптации чаще присуща людям старшего возраста: «Наверное, эта вещь (анклавизация – авт.)

больше характерна для возрастной категории, когда уже есть определенные устои. И чтобы жить, нельзя их разрушить. Нельзя выжить на другой территории иначе. И духовное, душевное свое спокойствие сохранить, наверное, бабушка и сможет только в закрытой территории. Дети ее более старшего возраста. А вот молодежь, подростки, они делаются людьми мира» (*Интервью со специалистом культурного учреждения, № 4*).

Эксперты отмечают неоднородность сообщества мигрантов: на вопрос о тенденции анклавизации один из экспертов заметил: «А что, действительно есть такая тенденция? Или речь идёт именно о трудовых мигрантах? Потому что если в целом брать представителей других этносов, они очень даже диффузно распространены. У нас соседи корейцы, немцы, отдаленные потомки китайцев... А если про трудовых мигрантов – оно ж понятно, почему... Они на самом деле не столько заселяются, сколько приезжают поработать, чтобы потом снова уехать» (*Интервью с научным работником, № 13*).

Вместе с тем «общим местом» является понимание под «мигрантами» в первую очередь именно временных трудовых мигрантов. Более того, и здесь мы согласимся с И.М. Кузнецовым, «образ жизни временных трудовых мигрантов, то есть наименее интегрированной и не мотивированной к интеграции группы иноэтнических мигрантов, служит материалом для конструирования и поддержания стереотипа “лица кавказской (азиатской) национальности”, а фактически – образа агрессивного чужака, снабженного очень расплывчатыми, применимыми практически ко всем этническим группам признаками “инонациональной” принадлежности. Этот образ переносится затем на все группы, как-либо антропологически или культурно отличающиеся от основной массы городского населения. Как на те этнические группы, которые принадлежат полноправным автохтонным гражданам России, так и на представителей этнических диаспор, столетиями проживающих в России» [4. С. 283].

В работе И.М. Кузнецова, посвященной вариативности реализации интеграционного потенциала мигрантов в мегаполисе и провинции, дана удачная классификация миграционных намерений. Мигранты в данном исследовании подразделяются на две группы – ориентированные на постоянное жительство и временные трудовые: «Мигранты, ориентированные на постоянное

жительство и, следовательно, на интеграцию с принимающим сообществом, будут признавать приоритетность социальных и культурных ценностей и норм принимающей среды по сравнению со средой исхода; *временные трудовые мигранты* рассматривают принимающую среду как преимущественно экономический и технологический ресурс» [4. С. 277–278]. Исследование посвящено выявлению интеграционного потенциала мигрантов (на примере азербайджанцев) и особенностей его реализации в социально и культурно различающихся локальных социумах (Москва, Самара, Астрахань) в рамках изучения стратегий адаптации мигрантов в мегаполисе (Москве) и областных центрах России.

Показательным результатом данного исследования является распределение ответов на вопрос «Если бы у вас была возможность выбора, как бы вы предпочли жить в Москве?». Так, 25,4% мигрантов, ориентированных на постоянное жительство, ответили, что хотели бы жить среди своих земляков, тогда как среди временных трудовых мигрантов количество таких ответов – 56,5%. Наоборот, предпочли бы жить среди уже давно живущих здесь москвичей 52,6% мигрантов из числа ориентированных на постоянное жительство, тогда как среди временных трудовых мигрантов таковых существенно меньше – 36,1% [4. С. 277–278].

Это наглядно показывает, что тенденции анклализации характерны в первую очередь именно для временных трудовых мигрантов, и фиксируются не только в нашем исследовании, но и в сходных исследованиях других крупных городов Российской Федерации, актуализируя проблему формирования этнических анклавов на всероссийском и даже мировом уровне. В то же время можно говорить о стремлении выйти за пределы «этнического анклава», стать «своим» среди социально/экономически успешных мигрантов, однако среди временных трудовых мигрантов таковых меньшинство, а именно на эту категорию принимающее сообщество реагирует наиболее остро.

В исследованиях тенденций анклализации можно выделить ряд факторов, оказывающих значительное влияние на формирование зон концентрированного проживания мигрантов. В частности, исследователи говорят о языковом барьере, непонимании национальных обычаев и несоответствии ценностно-ментальных установок, которые влияют на негативное отношение к мигрантам в принимающем социуме [6. С. 57]. При этом каждый конкретный

населенный пункт обладает своими эксклюзивными чертами: речь идет, с одной стороны, о географических особенностях (климат, ландшафт и т.д.), а с другой – об уникальности социокультурной организации индивидов [16. С. 25]. Эксперты в интервью также отметили общие социальные тенденции, связанные со спецификой взаимодействия принимающего сообщества и мигрантов в условиях глобализирующегося общества: «Без культурных границ поликультурное общество не может существовать» (*Интервью с научным работником, № 1*), «Студенты приезжают – они априори живут анклавно, потому что надо держаться друг за друга, чужая страна, чужое общество» (*Интервью с сотрудником администрации, № 5*).

Кроме того, экспертами были отмечены некоторые специфичные для России в целом, и Новосибирска в частности, обстоятельства, определившие формирование проблемных зон. Это, во-первых, фактор «давления» русского принимающего сообщества: «У нас доминирует русский элемент, и русские, после распада СССР, очень уязвимо себя ощущают и считают, что у себя дома они имеют право позволить себе устанавливать те порядки отношений, которые приняты в этом обществе. С другой стороны, если эти требования и правила оказываются невыполнимы для диаспорных групп, тогда эти группы становятся менее проницаемыми, закрытыми, создаются условия для анклализации» (*Интервью с научным работником, № 1*). Во-вторых, это социально-культурная специфика состава и расселения потока мигрантов: «Они (анклавы – авт.) были созданы в 1990-х и в начале 2000-х, когда семьи поехали и стали селиться друг с другом рядом» (*Интервью с сотрудником администрации, № 5*).

Представления принимающего сообщества о мигрантах как о маргинализованной, а подчас и криминальной группе также были высказаны в интервью: «Они позиционируют себя как “чужие” – это всегда неприятно, хочется как-то отгородиться или их отгородить» (*Интервью с научным работником, № 13*). «Будут существовать замкнуто, изолированно. Известен мусульманский фактор, экстремистский. Может взорваться» (*Интервью с научным работником, № 7*). «Анклавы возникают только там, где есть уголовный элемент» (*Интервью с сотрудником администрации, № 5*).

Говоря об анклавах в Новосибирске, эксперты так или иначе отмечали, что объединение социальной системы анклава с сетью города отсутствует, иными словами, «они адаптированы, но они не интегрированы в культуру» (*Интервью с научным работником, № 3*). Сходные процессы отмечают и другие исследователи специфики «мигрантского вопроса» в Новосибирске, говоря об изолированности мигрантов отчасти как о следствии социальной депривации, которая ведет к усугублению их социальной исключенности и объединению не на принципах принимающего общества, а на основе своих, ввезенных социальных, культурных и конфессиональных норм [14. С. 78].

В целом в представлении экспертов, принявших участие в исследовании, анклавизация в Новосибирске не является значимой проблемой, и в строгом смысле анклавов на карте города нет. Образования, которые могут иметь тенденцию стать анклавами, представляют собой территории концентрированного проживания трудовых мигрантов, в основном располагающиеся у крупных рынков и на окраинах. Данные анклавоподобные поселения в значительной мере закрыты от стороннего наблюдателя, а их население ограничено вписано в сеть социальных контактов города. Поэтому они служат источником формирования самых разных представлений о себе, в том числе пугающих принимающее сообщество.

В то же время данная проблема для мирового сообщества и особенно для стран, испытывающих сильный миграционный приток, является одной из острейших. Так, во многих городах Европы анклавы перерождаются в криминальные гетто, где мигранты живут в замкнутой среде, воспроизводя модели поведения и образ жизни, характерные для стран их исхода. Сегрегация мигрантов тормозит механизмы их интеграции в принимающее сообщество, приводит к консервации в их среде архаичных моделей поведения и мировоззренческих установок. Такие тенденции опасны распространением фундаменталистских и экстремистских настроений среди мигрантов. Поэтому, как представляется, проблема анклавизации, которая сейчас есть в Новосибирске в зачаточном состоянии, все же требует особого внимания и контроля как со стороны администрации города, так и научного сообщества.

В числе мер, которые представляются экспертам полезными для смягчения проблемы анклавизации, названы создание специальных

площадок и учреждений для проведения культурных и межкультурных мероприятий: «Необходим Дом Дружбы или ресурсный центр, где они могли бы собираться вместе, что-то решать, должен быть канал, чтобы они могли доносить свой голос и влиять на общественный ландшафт» (*Интервью с научным работником, № 1*). Оптимальной стратегией развития межнациональных отношений экспертам видится их формализация через вовлечение иноэтнического населения в разного рода национально-культурные объединения и правительственные органы: «Благотворительные общества, религиозные организации, национальные организации всегда существовали не только в России, во всем мире существовали» (*Интервью с научным работником, № 9*). «Здесь должно подключаться гражданское общество и должны формироваться (государством) условия для того, чтобы все этнические группы могли иметь представительство в консультативных советах» (*Интервью с научным работником, № 1*).

Кроме того, экспертами было высказано мнение о необходимости общих прагматических целей – вне зависимости от этнической принадлежности, о преодолении понимания межэтнического общения преимущественно в плоскости культурного обмена и обогащения: «По большому счету, зачем нужно, скажем, Азербайджанскому дому сотрудничать с Еврейским культурным центром? Просто для того, чтобы обменяться своими культурами? Если нет какой-то заинтересованности, то ее и не будет. Вот возьмем Одессу лет 50 назад, когда там жили украинцы, евреи, греки, турки, болгары – сколько народов в этом городе переплелось, и там они просто не могли не взаимодействовать, их всех было много, у всех своя культура, но и взаимодействие осуществлялось. А в Новосибирске я просто не вижу такого организованного взаимодействия. Нет какой-то прагматической цели, для чего я должен с этой культурой взаимодействовать. Опять же, я могу предположить, что у ребят, которые приезжают, в идеале должна быть прагматическая задача взаимодействия с русскоязычным населением Новосибирска – настраивать коммуникации, потому что им в идеале здесь нужно адаптироваться и жить» (*Интервью с научным работником, № 14*).

Эксперты также считают перспективным «целенаправленно создавать позитивный культурно-информационный фон в тех

районах, где тенденция формирования “национальных анклавов” уже обозначилась» (*Интервью со специалистом, № 6*).

Особый интерес представляет точка зрения экспертов о значимости взаимодействия управленцев с научным сообществом: «Не знаю, есть ли у нашего регионального правительства какой-то научный консультант, который подвергал бы экспертизе управленческие решения, знакомил бы наших управленцев с мониторингом межэтнических отношений именно в нашем городе, но хорошо бы, чтобы он был. Если он будет, это будет снимать те моменты, которые порождаются именно на управленческом уровне» (*Интервью с научным работником, № 13*).

Кроме того, экспертами была зафиксирована необходимость проведения мониторинга состояния межэтнических отношений в Новосибирске. Сотрудниками ИФПР СО РАН разработаны концептуальные и методические основы социокультурного мониторинга муниципального межэтнического сообщества и начата работа по его реализации. Стоит согласиться с тем, что «объектом мониторинга должны выступать не только межнациональные отношения, но более широко – этносоциальная ситуация, локализованная в рамках конкретного межэтнического сообщества» [17. С. 158].

Значимой составляющей мониторинга является учет комплекса социальных, культурных и личностных компонентов жизни межэтнического сообщества в мегаполисе. Такой подход позволит отслеживать основные тенденции социокультурной трансформации указанного сообщества, интеграционные и дезинтеграционные процессы, протекающие в мегаполисе, и своевременно принимать управленческие решения в рамках реализации национальной политики на муниципальном уровне.

Литература

1. Арутюнян Ю.В. Об этнических диаспорах в российской среде // Социологические исследования. – 2013. – № 7. – С. 34–44.
2. Национальный состав населения муниципальных образований Новосибирской области // Эл. ресурс. URL: http://novosibstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/novosibstat/resources/1331588041396d3fac47ef367ccd0f13/национальность.pdf (дата обращения: 09.05.2017).
3. Мадюкова С.А., Персидская О.А. Мигранты в социальном пространстве города // Сибирский философский журнал. – 2016. – Т. 14. – № 3. – С. 161–176.

4. Кузнецов И.М. Мигранты в мегаполисе и провинции: вариативность реализации интеграционного потенциала // Россия реформирующаяся. Ежегодник / Отв. ред. М.К. Горшков. – Вып.7. – М.: Институт социологии РАН, 2008. – С. 273–288.
5. Попков Ю.В., Тюгашев Е.А. Феномен города как межэтнического сообщества // ЭКО. – 2017. – № 10. – С. 7–19.
6. Андронов И.С. Внешние мигранты в социальной структуре населения мегаполиса // Социология и право. – 2014. – № 1 (23). – С. 55–60.
7. Кузнецов И.М., Мукомель В.И. Адаптационные возможности и сетевые связи мигрантских этнических меньшинств. – М.: Институт социологии РАН, 2005. – 51 с.
8. Мадюкова С.А., Персидская О.А. Субъективные и объективные аспекты восприятия мигрантов в массовом сознании принимающего сообщества (на примере г. Новосибирска) // Сибирский философский журнал. – 2015. – Т. 13. – № 4. – С. 112–119.
9. Мадюкова С.А. Стереотипы и заблуждения в восприятии мигрантов принимающим сообществом / Россия – пространство диалога народов: Материалы всероссийской научно-практической конференции / Новосибир. гос. ун-т. – Новосибирск: РИЦ НГУ, 2016. – 112 с. [С. 47].
10. Персидская О.А., Попков Ю.В., Скалабан И.А. Мигранты в межэтническом сообществе Новосибирска: специфика взаимной адаптации // Вестник НГУЭУ. – 2016. – № 3. – С. 229–239.
11. Попков Ю.В. Ориентиры муниципальной этнонациональной политики и этносоциальная ситуация в Новосибирске / Этносоциальные процессы и этнонациональная политика в регионах Сибири (под ред. Попкова Ю.В.); ИФПР СО РАН. – Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2015. – 273 с. [С. 138–171].
12. Дятлов В.И. Мигранты: проблемы безопасности и развития для России (многообразие и конфликт групп интересов в принимающем обществе) // Человек в меняющемся мире. Проблемы идентичности и социальной адаптации в истории и современности. Сб. науч. статей. – Томск: Изд-во Том. ун-та. 2014. – 328 с. [С. 198–209].
13. Солодова Г.С. Факторы поддержания этнокультурной идентичности мигрантов // Сибирский философский журнал. – 2015. – Т. 13. – № 2. – С. 83–88.
14. Солодова Г.С., Палопеженцева М.С. Культурное сопротивление или культурная интеграция? // Сибирский философский журнал. – 2013. – Т. 11. – № 4. – С. 74–79.
15. Солодова Г.С. Интеграция мигрантов-мусульман в российское общество // Социологические исследования. – 2011. – № 4. – С. 44–49.
16. Каранов Д.П. Мигранты и принимающее общество: культурный аспект межэтнических отношений в городской среде // Полития. – 2013. – № 1. – С. 24–35.
17. Попков Ю.В., Костюк В.Г. Концептуальные и методические основы организации социокультурного мониторинга муниципального межэтнического сообщества // Сибирский философский журнал. – 2016. – Т. 14. – № 3. – С. 149–160.